
Валерий СКОБЛО

* * *

Когда, как говорится,
Тому лет сорок мимо,
И полем, лесом, речкой
Мы шли с тобой к разлуке
От станции к поселку,
А ветер сосны гнул, —
Душа неутомимо
Летела поверх тропки,
Улавливая чутко
Подземный страшный гул.

Тектоника эпохи,
Подвижки и разломы...
Идем, след в след ступая,
Но сдвиг коры мгновенный —
И мы на кромках разных
Материковых плит.
Еще едва знакомы
И что нас ждет, не знаем,
И от того, что ждет нас,
Уже душа болит.

Лихое время слышит,
Как кровь шуршит под кожей,
Отчаянья и страха
Оно нам не прощает
На узенькой тропинке
Вдоль берега реки.
Гляди вперед без дрожи,
Пусть будет то, что будет.
...А впереди поселок,
Мерцают огоньки...

Валерий Самуилович Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике: в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Homo Legens», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (УМСА-Press) и многих других. Автор сборников стихов «Взгляд в темноту» (СПб., 1992), «Записки вашего современника» (СПб., 2011), «О воде и воле» (СПб., 2015), «За тайной печатью» (СПб., 2017). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

В семидесятые годы мы пили всякую дрянь:
«Солнцедар», и «Агдам», и «Кавказ» дарили досугу.
Ее разливали тогда мы в любую склянь,
А не было скляни, могли из горла по кругу.

И туда же еще — «Волжское», «Три семерки», «Хирсу»,
«Билэ мицнэ», «Анапу» и кубинский ром «Гавана».
На работе пили, дома, в парадняке, в лесу...
Щедро нас везде накрывала собой нирвана.

А еще помянем «Плодовое» и «Рошу десерт»,
Херес, уже и не вспомню тепер я названия...
Сколько у времени стерлось более важных черт —
О поиле этом остались воспоминания.

Нет, я не был в те времена совсем уж такой алкаш,
Я потом расплатился с жизнью за все оплеухи.
Но скажу потерявшим память, что рай этот ваш
Пережили мы не без помощи бормотухи.

ДЕЛО ЗИЛЬБЕРБЕРГА

*Зильберберг Л. Я. Род. 07.10.1901, г. Аккерман,
еврей, б/п, обр. высшее, инженер з-да «Электро-
прибор». Арест. 01.11.1933. Приговорен 28.02.1934
по обв. в шпионаже к ВМН. Расстрелян 19.04.1934.
Реабилитирован 06.03.1957.*

Вот коротко о деле Зильберберга.
Такой мужик работал в той конторе,
Где я служил (но через сорок лет).
Потом его убили — расстреляли:
Сказали, что шпион — и пулю в череп.
А правых нет... и виноватых нет.

Похитил вроде он чертеж секретный...
И сигуранцей или дефензивой
Был завербован среди прочих лиц.
Все это вскрылось: органы не дремлют,
Не дремлют, не дремали и не будут...
Ежовых не снимают рукавиц!

Он был еврей, но вряд ли это важно,
В крутой разборке все быстрее крутились
Такие жернова... Игра в лото.
Кем сам себя он числил, я не знаю,
Но, видимо, как все, перед расстрелом
Об этом вспомнил. Ну и что?.. И что?..

Все это с ним случилось в тридцать третьем,
А приговор... расстрел — в тридцать четвертом,
Весной, в апреле... Солнце... благодать...
Еще до выселений и Ежова...
До кировского дела и «потоков»...
И лучше бы мне этого не знать.

А был бы он немножко поумнее,
И выгадал бы лет семь-восемь жизни...
И чем ему наскучил Аккерман?
А, может, обошлось бы... Все бывает.
Глядел бы он на солнышко и море.
Я там бывал... О, как хорош лиман!

Потом в сороковом и в той же фирме
Служил отец мой... Боже! С ним случилась
Такая же история... Чертеж!
Но суд советский и нарком Лаврентий
Его простили... и чертеж нашелся...
И скажет кто: где правда здесь, где ложь?

Отец покойный не любил про это:
Репрессии, войну, космополитов —
Про все эти прошедшие года...
А если бы другой достался номер
Ему в лото кровавой мясорубки,
Кто эти строчки бы писал тогда?

А Зильберберг прощен был много позже,
В ту «оттепель»... Ошибка, значит, вышла:
Ягода, Сталин... прочая фигня.
Все умерли. Но если бы я думал,
Что смерть равняет правых и виновных,
Не прожил бы на свете даже дня.

Передо мной — сухие документы,
Промокшие от слез и чьей-то крови,
Их уберу пока что от внучат.
И что сказать, по совести — не знаю.
Удачливые менеджеры знают.
Они об этом знают... Но молчат.

* * *

В то лето говорил себе: «Могу!» —
И, правда, мог — в то молодое лето.
Он отвечал всем невпопад: «Угу...»
И было ясно, что витает где-то.

Так далеко, что не на черновик,
А начисто, без всяческих помарок

Писал стихи... Потом, конечно, сник —
Не может долгим быть такой подарок.

Тогда он мог... Весь этот вещный мир...
И тот, другой — в его, казалось, власти.
Он был всем этим строчкам командир,
Слова его послушны были страсти.

Как грохотал над ним июльский гром...
И жизнь спустя он помнил это лето.
А что с ним было после и потом —
Без разницы... Поскольку было это.

* * *

Порою кажется, что мир дошел до точки —
Но я пытаюсь прогнать это чувство сразу,
Мне помогает вид страждущих в уголочке,
Плачущих втайне и вовсе не для показу.

Сколько же в плачущих наивной покорности,
Безнадежности, отчаянья, смирения...
В этих соображениях столько вздорности —
Что не стану... не стану вступать я в прения.

Но не в этом ли вера... самая твердь ее?
Пусть бы еще хоть на миг единый продлилась:
Любовь, и прощение, и милосердие
Без надежд на воздаянье и справедливость.

* * *

Жизнь горька, солона...

 Так порою горька — не слотнуть.
— Подсласти ее, Боже, хотя бы на миг и чуть-чуть, —
Не прошу, потому что не знаю, каков
Чудный замысел Божий, не ведаю сроков и слов,

На которых замешана самая суть бытия,
Расшибившись до крови о ребра, углы и края
Этой жизни... в насмешку зовущейся так,
Каждый день... каждый миг
 выбирающий свет или мрак,

С каждым лично прощаясь,
 твердя покаянно: «Прости!..»
Заплутавший... пути потерявший в пути,
Я пытаюсь найти испокон предначертанный путь
И нащупать простые слова,
 чтобы вам приоткрыть эту суть.